

Чэн Хао подошёл к универсаму и, увидев просторное место, улыбнулся:

— Может, я здесь поставлю ларек? Людей здесь не так много, как там, но тоже достаточно. Репутация строится постепенно. Если я поставлю ларек здесь, не будут думать, что я специально соревнуюсь с ними.

Лян Цзинь подумал, что Чэн Хао действительно подходит для этого дела. В прошлой жизни он уже ставил здесь ларек, и бизнес шёл очень хорошо. Только он не знал, как сложится его жизнь в следующие десятилетия.

Лян Цзинь немного помедлил и спросил:

— Чэн Хао, какие у тебя планы на будущее? Ты живёшь в нашей деревне уже много лет. Разве ты не скучаешь по своей семье?

Чэн Хао слегка напрягся. Кроме приёмного отца, который его приютил, никто не знал о его прошлом. Даже Лян Цзинь... он никогда не рассказывал об этом. Он тихо рассмеялся:

— Никаких особых планов. Сначала попробую поставить ларек. Если пойдёт хорошо, продолжу. Если нет, буду ходить по деревням и готовить на заказах. Не хвастаясь, у меня уже есть небольшая известность. Выжить не проблема, с годами стану только ценнее.

Лян Цзинь давно хотел узнать о прошлом Чэн Хао, но не мог заставить его говорить. Он просто продолжил:

— Хорошо, это хоть какое-то ремесло. Когда планируешь начать? Если я буду свободен, помогу.

— Это всего несколько шагов, не стоит беспокоиться. Сначала не буду много готовить, постепенно добавлю. А у тебя какие планы? В следующем году ты закончишь девятый класс. Будешь учиться какому-нибудь ремеслу? Но не торопись. Если у меня всё пойдёт хорошо, можем вместе открыть закусочную. Если заработаем много, откроем гостиницу. Как думаешь?

Они шли плечом к плечу, и Лян Цзинь сказал:

— Ты считаешь меня надёжным человеком? Берегись, я могу воспользоваться тобой.

Чэн Хао улыбнулся и положил руку на его плечо:

— Мы с тобой дружим с детства. Кому ещё мне верить? Я приезжий, меня часто обижали, и никто в деревне не хотел со мной играть. Только ты каждый день ждал меня у моего дома и приносил мне еду. Бананы — это ведь редкое лакомство, а ты делился со мной.

Лян Цзинь вспомнил, как он, словно с сокровищем, приносил еду Чэн Хао, и ему стало смешно. Тогда он чувствовал странное, смутное ощущение, но теперь он понимал, что это было. Просто подходящего момента ещё не было.

Перед закатом они вернулись в деревню. Лян Цзинь пригласил Чэн Хао к себе на ужин. Дома он увидел, что у матери покраснели глаза, и вздохнул. Видимо, её снова обидели.

Матушка Лян, не желая говорить при Чэн Хао, улыбнулась:

— Что хотите поесть? Я приготовлю.

Чэн Хао вежливо поздоровался:

— Тётя, вам стоит отдохнуть. Я повар, хоть и не готовлю изысканные блюда, но с простой едой справлюсь. Давайте я приготовлю.

Матушка Лян не могла сидеть без дела. Живя с сыном, она чувствовала и радость, и сожаление из-за потери Лян Хуайминя. Она села рядом, помогая чистить овощи, и сказала на местном диалекте:

— Мастерство Ян Чжуна было лучшим в наших краях. Жаль, что он ушёл так рано. Когда ты у него учился, он был строг с тобой? Я помню, как однажды он разозлился из-за того, что соли положили слишком много. Он был очень требовательным.

Чэн Хао взял очищенные овощи и начал их мыть и резать. В деревне повара на заказах не были профессиональными поварами, но его приёмный отец был очень строг. Навыки владения ножом должны были быть на высоте. С детства он тренировался на овощах, растущих во дворе. Они должны были быть ровными, без разницы в длине и толщине. Но по сравнению с тем, как он голодал и его гоняли, он чувствовал себя счастливым. Кто-то заботился о нём и направлял.

— Мой отец был строг только в готовке. В остальном он был добрым. Он всегда говорил, что в еде не должно быть ни малейшей ошибки. От плохого вкуса до того, что может навредить здоровью, — всё это большой грех. В загробной жизни за это накажут. Когда он был не занят, он готовил мне вкусные блюда по рецептам, которые передались от предков, служивших во дворце. На вкус они были обычными, но я не смел говорить.

Матушка Лян улыбнулась:

— В то время все ему завидовали. Говорили, что даже в бедности мастерство повара не даст пропасть. Мы не могли понять, почему он не нашёл себе спутницу жизни.

Чэн Хао знал об этом. Его отец говорил, что жизнь трудна, и женитьба — это не просто взять девушку. Деньги на это, долги — всё это ложится на плечи. Если он проживёт долго, то хорошо, а если умрёт рано, то кто будет выплачивать долги? Лучше жить одному. Но однажды ночью он проснулся и пошёл в туалет, увидев, как отец при свете керосиновой лампы смотрит на фотографию.

На фотографии была красивая, модно одетая женщина. Когда отец был уже тяжело болен, он дрожащими руками достал её из кармана и с трудом сказал:

— Когда я умру, положи её со мной. Я знаю, ты давно хотел спросить. В детстве мне её сосватали, но потом наша семья разорилась... Её семья нашла другого. Мы любили друг друга, но её довели до сумасшествия, и она прыгнула в реку. Когда я умру, мы встретимся и поговорим.

В молодости Ян Чжун жил в достатке, ничего не делал и лишь немного знал основы семейного ремесла. Всё, что он умел, он создал сам, основываясь на смутных воспоминаниях.

Чэн Хао замолчал и улыбнулся:

— Наверное, он просто боялся проблем.

Лян Цзинь, слушая их разговор, вышел из комнаты. Он вспомнил, что отец хранил красивый набор чашек, подаренный ему старым другом. Отец всегда с гордостью показывал их, каждый раз моя руки перед тем, как взять. Потом бабушка забрала их, чтобы показать гостям. Отец хотел их вернуть, но не решался сказать. В последние дни он был так занят, что забыл об этом.

Обычно шумная главная комната теперь была странно тихой. Он приподнял занавеску и направился к западной спальне. Едва он собрался заглянуть внутрь, как услышал...

— Твой брат только что ушёл, сейчас не время говорить о твоих делах. Твоя старшая сестра нашла тебе парня, симпатичного, ещё и выпускника школы. Через месяц вы встретитесь.

Через щель он увидел, как Третий дядя сидел, опустив голову, и наконец выдавил:

— А он действительно согласится?

— Почему нет? Ты самый младший в семье, я всегда тебя баловала. Твоя старшая сестра сказала, что её муж обещал устроить её на работу. Когда будешь приходить с официальным визитом, возьми с собой тот набор чашек, который твой брат оставил у меня. Говорят, это старинная вещь из богатого дома. Я не знаю, что это, но это добавит тебе статуса. Ты тоже постарайся, не молчи, а то я с ума сойду.

Лян Цзинь молча улыбнулся, резко откинул занавеску и громко сказал:

— Бабушка, что вы с дядей тут делаете? Опять что-то вкусное едите?

Бабушка Лян давно считала Лян Цзиня неблагодарным и холодно ответила:

— Ты ещё помнишь, что у тебя есть бабушка? Я думала, ты уже на небесах и ждёшь моей смерти.

Лян Цзинь улыбнулся:

— Разве я посмею? Если я тебя расстрою, дяди меня растерзают. Если всё будет прилично, я не буду лезть на рожон. Моя мама вернулась, она часть этой семьи. Если ты будешь скандалить, это только позорит нас. Я не из тех, кто не понимает разумного.

Бабушка Лян немного успокоилась. Парень наконец заговорил по-человечески. Она уже собиралась кивнуть, но его следующая фраза заставила её кровь вскипеть.

— Бабушка, ты ведь говорила, что взяла папины чашки для престижа? Прошло уже время, может, вернёшь их? Я поставлю их на алтарь, чтобы папе было спокойнее.

Бабушка Лян покачала головой:

— Твой отец уже забрал их, не видела.

Лян Цзинь погладил подбородок:

— Бабушка, ты ведь знаешь, что эти чашки из нефрита? Когда тот дядя давал их папе, он сказал, что они признают только своего хозяина. Если они попадут не в те руки, могут случиться неприятности. Подумай, нефрит ведь дорогой. Если продать их коллекционерам, можно получить немало. Почему он не продал их? Разве он дурак?